
Николай Черненко
СТАВРОС
ВЕТКИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Николай Черненко

Ставрос. Ветки вероятностей

«Автор»
2026

Черненко Н.

Ставрос. Ветки вероятностей / Н. Черненко — «Автор», 2026

А что, если будущее уже существует во множестве вариантов, и каждое наше решение определяет, какой из них станет реальностью?Каждый день мы делаем выбор. Иногда осознанно, иногда даже не замечая этого. Одно произнесённое слово, случайная встреча могут изменить не только нашу жизнь, но и судьбы других людей.У каждого события есть свои вероятности. Одни становятся сильнее, другие постепенно исчезают. И порой достаточно единственного решения, чтобы привычная реальность изменилась навсегда.Но что, если человек способен увидеть эти варианты заранее? Узнать, к чему ведёт каждый путь? И самое главное, что произойдёт, если он попытается изменить ход событий?«Ставрос. Ветки вероятностей» — роман на границе мистики, психологии и фантастики, который заставляет по-новому взглянуть на природу времени, свободу воли и последствия человеческого выбора.Возможно, будущее не предопределено. Возможно, прямо сейчас вы создаёте одну из его бесчисленных ветвей.

© Черненко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Незнакомец 6
Глава 2. Второй раз 14
Глава 3. Три ветки 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Николай Черненко
Ставрос. Ветки вероятностей

От автора

Настоящая книга является художественным произведением. Все персонажи, их имена, характеры, биографии, диалоги и описанные события являются частью авторского замысла. Любые совпадения с реальными людьми, ныне живущими или умершими, их судьбами, поступками и обстоятельствами жизни случайны. Упоминание реально существующих мест, профессий, исторических или общественных явлений используется исключительно в художественных целях.

События, представленные в книге, включая возможные варианты будущего, развитие общественных и политических процессов, судьбы отдельных людей и последствия принимаемых решений, являются элементами вымышленного сюжета. Они не представляют собой предсказаний, достоверных прогнозов или утверждений о событиях, которые могут произойти в действительности.

Описанные в произведении представления о сознании, энергетических взаимодействиях, ченнелинге, регрессии, экстрасенсорном восприятии и ветках вероятностей отражают художественный замысел и мировоззрение персонажей. Они не претендуют на статус научно доказанных фактов и не должны восприниматься как руководство к практическим действиям.

Мнения, убеждения, высказывания и поступки персонажей могут не совпадать с личной позицией автора.

Автор предлагает читателю самостоятельно осмыслить происходящее, сохраняя право на собственные выводы и интерпретации.

Глава 1. Незнакомец

Первое, что я почувствовал, был холод. Не тот условный холод, который мозг иногда дорисовывает во сне вместе со снегом, ветром или открытым окном, а вполне физический: сырой воздух проходил под воротник куртки, пальцы мёрзли, при вдохе неприятно стягивало горло. Я стоял посреди незнакомой улицы и почти сразу понял две вещи. Первая - я сплю. Вторая - это состояние не похоже ни на один из типов сна, с которыми мне приходилось работать раньше. За пятнадцать лет практики я достаточно хорошо изучил собственные изменённые состояния сознания. Я входил в глубокие медитации, работал в ченнелинге, проводил регрессионные сессии, наблюдал осознанные сны и те пограничные состояния, когда тело уже спит, а сознание ещё удерживает тебя на тонкой нити где-то между. Я знал, как меняется восприятие, когда включается фантазия, как распадаются детали, если задержать на них внимание, как мозг достраивает пространство, когда пытаешься его проверить. Здесь ничего не распадалось.

Передо мной была улица обычного города, только город выглядел так, будто его несколько недель методично ломали. Небо затянула сплошная низкая облачность, свет был серым и ровным, фонари не работали. На первых этажах домов закрыты магазины, вместо одного окна прибита криво вырезанная фанера, на соседнем здании отсутствовали несколько окон, часть фасада над третьим этажом обвалилась. На дороге стояла брошенная машина с открытой водительской дверью, за ней лежали крупные куски бетона. Метров через тридцать асфальт был разворочен. Первая мысль пришла сразу - война.

Я не люблю, когда люди называют интуицией первую эмоциональную реакцию: иногда тело действительно улавливает больше, чем успевает обработать сознание, но чаще человек сначала пугается, а потом подгоняет под этот испуг своё объяснение. Поэтому я не стал полностью доверять слову, которое первым возникло в голове, тем более, находясь во сне. Осмотрел улицу внимательнее: ни пожарных, ни ремонтных бригад, ни ограждений. Несколько машин стояли у тротуара под странными углами, в одном доме часть окон была закрыта чем-то плотным. На балконе напротив висело бельё: белая простыня (условно белая) и две тёмные футболки - эта деталь почему-то убедила меня сильнее разрушенного фасада. Катастрофы в кино уничтожают обычную жизнь сразу, а в реальности люди продолжают сушить бельё, искать зарядку для телефона и ругаться из-за мелочей даже тогда, когда привычного мира уже нет. Я знал это как психолог и слишком часто видел в работе: человеческая психика цепляется за рутину потому что иначе невозможно удержать ощущение, что жизнь всё ещё принадлежит тебе.

Я посмотрел на руки. Мои. Куртка тоже моя — тёмная, тёплая, купленная прошлой осенью. Провёл пальцами по рукаву и почувствовал плотность ткани, шов возле кармана, холод металлической молнии. Под ботинком хрустнуло стекло, я специально остановился и несколько секунд слушал. Где-то далеко раздался глухой низкий удар, потом через несколько секунд второй. Вибрация дошла едва заметно, но тело отреагировало мгновенно: напряглись плечи, дыхание стало чуть короче. Так реагирует нервная система на звук, который мозг классифицирует как угрозу раньше, чем сознание успевает что-то понять. Всё было логично. Слишком логично для сна.

***

Мне сорок лет, у меня классическое физическое образование и второе высшее по психологии, и именно поэтому я никогда не видел необходимости выбирать между материальным и тем, что принято называть метафизикой. Я давно привык разделять три вещи: что я действительно наблюдаю, что чувствую (ощущаю, принимаю) и как я это объясняю. Первые две почти всегда оказываются точными. Третья ошибается, но редко, с опытом и этот навык прокачивается.

Когда-то ко мне пришла женщина, назову её Еленой. Она во снах несколько раз видела умершего отца и хотела с ним пообщаться через меня. Я такое не практикую, но поговорить с Высшим Я человека (мудрой составляющей его души) вполне возможно. На сессии она почти сразу расплакалась и сказала: «Он пришёл ко мне. Я даже чувствую запах одеколона», то есть она не восприняла практику работы с Высшим Я, а представила, что пришел именно её папа. Я не стал спорить, для неё переживание было реальным, а спор о природе переживания в тот момент был бессмыслен. Я спросил только:

— Что вы точно знаете?

Она не поняла.

— Что почувствовала папу.

— Нет. Вы точно знаете, что ощутили образ папы, услышали фразы и слова любви, а мозг дорисовал запах его одеколона, о котором вы мне сказали.

Тогда она рассердилась на меня, не сразу приняв разницу, но через полчаса, когда сеанс закончился и она получила ответы на все свои вопросы, Елена всё поняла. Этот принцип много раз спасал и клиентов, и меня самого от красивых выводов, сделанных слишком рано. Я очень плавно и с выдержкой снова и снова всё объясняю, разделяя мозг и метафизику.

Поэтому сейчас я не спрашивал себя, кто меня сюда привёл, что мне хотят показать и почему именно мне – это приходит потом. Я в принципе, обучая учеников, всегда доношу до них: сначала получаем всю информацию, потом анализируем. Вот и сейчас я знал только факты: я сплю, сознание сохраняется, пространство необычайно стабильно, ощущения полноценные, место мне незнакомо.

***

Слева был подъезд пятиэтажного дома, дверь открыта, рядом висела небольшая синяя табличка. Я подошёл ближе, хотел прочитать надпись, но в этот момент заметил движение за углом. Мужчина появился метрах в двадцати от меня: лет тридцати пяти, может, немного старше. Среднего роста, тёмная куртка, чёрные брюки, тяжёлые ботинки. Он шёл быстро, почти бежал, но, заметив меня, остановился настолько резко, что я сразу обратил внимание - это была реакция не персонажа, которого сон вывел на сцену ради моего сюжета, у него до встречи со мной была собственная цель, он куда-то торопился, чего-то опасался, слушал пространство. Я разглядел его внимательнее: на щеке была грязь или сажа, волосы давно не стрижены, лицо худое, уставшее. На куртке чуть ниже плеча темнело пятно, сначала я принял его за кровь.

Мужчина посмотрел назад, затем снова на меня.

— Вы откуда здесь?

Голос хрипловатый, раздражённый - обычный голос живого человека.

Я не ответил сразу. За годы работы с сознанием я привык наблюдать за тем, как ведут себя образы, если не давать им направление. Во сне персонаж часто ждёт твоего внимания: если молчишь, сцена начинает провисать или переключается. Или ты сам можешь промотать эпизод вперед или назад, если речь идет о сеансе регрессии, например. Здесь же этот мужчина ждать не собирался и событие нельзя было пропустить и промотать вперед.

Он сделал пару шагов.

— Я спрашиваю: вы откуда?

Теперь мне стало действительно интересно.

— Как вас зовут? – ответил я вопросом на вопрос.

Он нахмурился.

— Что?

— Имя.

— А при чём здесь...

— Просто ответьте.

Он посмотрел на меня пристально и даже с опаской, видимо, не ожидал такой реакции от меня.

— Дмитрий.

Имя мне ничего не сказало.

— Мы раньше встречались?

— Нет.

— Уверены?

— Абсолютно.

Я осмотрел улицу.

— Где мы?

Теперь он уже не скрывал раздражения.

— Вы издеваетесь?

— Нет.

— Тогда что с вами?

— Где мы находимся?

Он назвал город. Я его знал, бывал несколько раз, но этот район не узнавал.

— Улица?

Он назвал. Название показалось знакомым. Возможно, когда-то видел на карте или проезжал рядом - я зафиксировал это как возможный источник информации.

— Что здесь произошло?

Дмитрий несколько секунд просто смотрел на меня.

— Вы откуда вышли? – спросил он вместо ответа.

— Не знаю.

— В смысле?

— В прямом. Несколько минут назад оказался на улице.

— Документы есть?

Я машинально проверил внутренний карман. Пусто. Телефона тоже не было.

— Нет.

Он тихо выругался.

— Почему здесь всё разрушено? — повторил я.

Его лицо изменилось, не сильно, но достаточно. До этого он считал меня странным, теперь, видимо, начал рассматривать как потенциально опасного или больного. Где-то справа раздался металлический грохот. Дмитрий мгновенно повернул голову и несколько секунд слушал.

— Надо уходить.

— Куда?

— Туда, где безопаснее.

Он быстро пошёл к соседнему дому. Я остался на месте, скорее из профессионального любопытства, чем из упрямства. Дмитрий прошёл несколько метров, остановился и обернулся.

— Вы идёте?

Вот здесь я впервые почувствовал слабый энергетический отклик. Не ту привычную волну, проходящую по всему телу, которая возникает при намеренной сонастройке с человеком, и не контакт, который бывает во время ченнелинга. Короткое ощущение -как вспышка, будто между двумя точками на секунду натянулась нить, которая существовала раньше, чем я её заметил. Но я успел отследить и пока не стал анализировать.

— Иду.

В подъезде пахло сыростью и пылью, на полу куски штукатурки, окон между этажами почти не осталось. Дмитрий не поднялся наверх, а спустился к подвалу к металлической двери. Он постучал: три коротких удара, пауза, два.

Щёлкнул замок, дверь приоткрылась и появилось женское лицо.

— Это кто? – кивком указала она на меня.

— Не знаю, - ответил Дмитрий.

— В смысле?

— Потом. Впускай.

Женщине было лет пятьдесят, шерстяная шапка, толстый свитер, поверх жилетка.

— Места нет.

— Он на пять минут.

— Дима...

— Открой.

Она посмотрела на меня. Именно посмотрела и этот момент записался в моей памяти сразу: если я находился только в переживании Дмитрия или был нематериальным наблюдателем, женщина не должна была реагировать. Но реагировала. Мы вошли, в подвале находились человек десять или двенадцать. Старик сидел на раскладном стуле, женщина укладывала ребёнка на туристический коврик, в углу стояли пластиковые бутылки с водой, горел маленький аккумуляторный фонарь. Большинство людей на меня не смотрело, сцена не вращалась вокруг меня, никто не ждал моего следующего шага. Если это создавал мой мозг, а не чье-то воздействие, то он сегодня работал с непривычной щедростью к деталям.

Дмитрий отвёл меня в сторону.

— Имя у вас есть?

— Ставрос.

Он чуть поднял брови.

— Настоящее?

— Настоящее, - усмехнулся я. - Постоянно задают этот вопрос.

— Хорошо. Ставрос, вы сегодня пили алкоголь?

— Нет.

— Что-нибудь принимали?

— Нет.

— Головой ударялись?

— Насколько помню, тоже нет.

— Тогда объясните, как вы сюда попали.

— Пока не могу.

Он внимательно изучал моё лицо.

— Вы военный, журналист, иностранец?

— Нет.

— Тогда кто?

Я подумал, насколько подробно стоит отвечать. В большинстве ситуаций я не представлялся человеку словом «экстрасенс» в первые две минуты разговора. Оно уже настолько заезжено благодаря телевидению и переполнено чужими ожиданиями: многие сразу ждут чтения мыслей или часто начинают относиться скептически, а некоторые вообще считают, что я тот, кто сообщит дату их смерти. Здесь объяснение всё равно прозвучало бы абсурдно.

— Работаю с людьми.

— Очень информативно.

— Я психолог.

Это была правда, но не вся.

— Уже лучше.

— И занимаюсь изменёнными состояниями сознания. Позже расскажу.

Он прищурился.

— Вы всегда отвечаете так?

— Когда пока не понимаю, с кем разговариваю, — да.

— А я должен понимать? – резонно спросил Дмитрий.

Я посмотрел на него внимательнее: от него не шло ощущения человека, находящегося внутри моего собственного сценария. У него было энергетическое поле - я чувствовал его слабо, нестабильно, но вполне отчётливо и для меня странностей становилось больше.

— Теперь ваша очередь, — сказал я. — Кто вы?

— Инженер связи.

— Гражданская инфраструктура?

Его раздражение вернулось.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Пока я пытаюсь понять, почему вы стояли посреди улицы без телефона, вы выясняете мою специализацию.

— Профессиональная привычка.

Дмитрий собирался еще что-то сказать, но сверху раздался звук. Сначала тонкий свист, потом нарастающая вибрация, кто-то крикнул:

— Ложитесь!

Дмитрий схватил меня за плечо и резко прижал к стене. Почти сразу ударило где-то рядом. Воздух словно на секунду стал плотным, свет погас, сверху посыпалась пыль и мелкая штукатурка. Ребёнок закричал, кто-то выругался. В ушах появился звон. Я чувствовал ладонь Дмитрия на плече, холод стены сквозь куртку, запах бетонной пыли и собственное сердцебиение.

И в этот момент впервые подумал: слишком плотный контакт. В ченнелинговой работе сознание иногда создаёт полное ощущение присутствия, но тело всё равно остаётся якорем: где-то на заднем плане ты чувствуешь собственное дыхание и легкую продавленность любимого кресла. Здесь связь с собственным телом отсутствовала почти полностью, а это значит, что меня сюда привели, причём без моего на то согласия (ой как не экологично-то). Это уже было совсем неправильно.

— Все целы? — спросил Дмитрий.

Люди начали отвечать на его вопрос, и я понял, что больше здесь находиться не хочу и решил выйти из этого состояния. Обычно этого хватало: в осознанном сне я мог закрыть глаза, перенести внимание в тело, почувствовать дыхание и через несколько секунд проснуться. При ченнелинговом контакте использовал похожий принцип, только выход делал постепенно, чтобы не получить резкий скачок давления или головной боли.

Я закрыл глаза. Внимание - в грудную клетку. Вдох. Выдох. Кровать, на которой я сплю, энергопоток через тело, ступни ног, заземление и … ничего.

Открыл глаза. Дмитрий стоял передо мной.

— Вам плохо?

— Нет.

Я снова закрыл глаза - на этот раз глубже. Сконцентрировался на том, что в физике назвал бы системой отсчёта, а в практике — точкой фиксации сознания. Любое состояние должно иметь наблюдателя. Я точно знал, где находится моё тело: дома, в спальне, скорее всего на кровати. Мне нужно было только сместить фокус.

Не получилось. А вот это уже интересно. Открыл глаза.

Тот же подвал. Простой и понятный выход закрыт, но я не впал в панику, скорее, продумывал другие пути. Паника редко помогает, а опыт давно научил меня не путать всплеск адреналина с интуицией, но внутри появилось очень ясное ощущение: я оказался в процессе, которым в данный момент не управляю. Такого со мной не происходило давно. Очень давно.

Дмитрий всё ещё смотрел.

— Что вы делаете?

— Пытаюсь проснуться.

Он моргнул.

— Что?

— Я сплю.

Несколько секунд он молчал.

— Понятно.

— Что именно?

— Головой всё-таки ударились.

— Какое сегодня число?

— Что?

— Число.

Он назвал.

День и месяц были примерно теми, которые я ожидал. Несколько секунд я не понимал, что именно меня зацепило. Потом понял.

— Год?

Дмитрий ответил, я смотрел на него, осознавая, что не так.

— Ещё раз.

Он повторил - год был следующим. Между его датой и моей было почти двенадцать месяцев и вот теперь мозг начал работать быстро. Возможность первая: я сам прекрасно знаю текущий год, а сон просто построил будущее. Никакого противоречия. Возможность вторая: число когда-то попало в сознание как часть фильма, новости, разговора. Тоже нормально. Возможность третья — самая интересная и пока наименее обоснованная: контакт действительно происходит не только с другим человеком, но и с другой временной точкой.

Последнюю я сознательно отложил. Анализ и выводы потом.

— Что-то не так? — спросил Дмитрий.

Я назвал свой год. Теперь молчал он - несколько секунд смотрел совершенно серьёзно, а потом коротко усмехнулся.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Теперь понятно - вы больной.

Я тоже усмехнулся.

— Не исключаю.

Он отвернулся, но я взял его за предплечье. Контакт ощущался абсолютно физически: ткань куртки, тепло руки под ней.

— Дмитрий. Слушай внимательно.

Он посмотрел на мою ладонь, потом на меня.

— Я назову дату, которую ты сказал.

Я повторил её полностью.

— Правильно? Я хочу запомнить.

— Да.

Я отпустил его.

— Давно это продолжается?

— Что?

Я показал вверх, на потолок и сделал неопределенный жест полукругом, означающий «ну, всё вот это». Ему понадобилась секунда.

— Война?

Я почувствовал, как несколько разрозненных наблюдений встали на свои места, но внутренне заставил себя не идти дальше. Первое ощущение, все-таки, было верным.

— Давно? — повторил я.

Дмитрий собирался ответить, но не успел.

Пространство исчезло мгновенно. Без затемнения, без привычного перехода. Только секунду назад передо мной был Дмитрий, за ним тусклый фонарь и бетонная стена, а в следующую я уже лежал на спине в своей спальне. Темно, одеяло сброшено на пол, сердце бьётся быстро, дыхание удивительно ровное. Я несколько секунд не двигался, затем проверил тело: руки, ноги, пальцы — всё нормально, никакой дезориентации, голова ясная. Взял телефон - экран осветил комнату.

03:17

Я посмотрел на время чуть дольше, чем требовалось. Не потому, что увидел в цифрах знак - я терпеть не мог привычку приписывать сакральный смысл каждому совпадению. Просто зафиксировал: время пробуждения 03:17.

Открыл заметки: город, улица, Дмитрий – инженер, связь, подвал, война, дата. Не смог выйти из состояния самостоятельно - подчеркнул. 03:17 (пока просто зафиксировал). Записывал быстро, почти без формулировок, потом включил диктофон и проговорил всё ещё раз, потому что знал свойства памяти после сна: через двадцать минут мозг начнёт сглаживать детали, через час переставлять их местами, а к обеду я буду уверен в том, чего на самом деле не видел.

Когда закончил, перечитал записи. Я не считал случившееся предсказанием, не считал ченнелингом в чисто виде, не называл – пока - это контактом с будущим. Пока это был необычный сон с аномально устойчивым восприятием и человеком, который вёл себя независимо от моей воли. Или это была подключка без моего ведома.

Я лёг снова, но сразу понял, что не усну, через несколько минут открыл карту и ввёл название города, затем улицу - улица существовала. Перешёл в панорамы, медленно двигаясь вдоль домов. Вскоре остановился: пятиэтажный дом, все окна на месте. На первом этаже продуктовый магазин, а возле подъезда та самая синяя табличка. Я приблизил изображение: расположение окон совпадало, даже небольшой козырёк, который во сне я почти не заметил. Я несколько секунд смотрел на экран и почувствовал знакомое профессиональное возбуждение, когда сталкиваешься с действительно необычным явлением, самое опасное - захотеть, чтобы оно оказалось необычным.

Проверил по панораме соседний дом, сравнил угол улицы - совпадало слишком много. Можно было объяснить скрытой памятью: я действительно мог когда-нибудь видеть эту улицу - человеческая память хранит огромное количество информации без доступа к источнику. «Улица и дом существуют. Совпадение внешнего вида высокое. Источник предварительного знакомства неизвестен».

Потом пошёл в душ.

Горячая вода постепенно вернула обычное ощущение тела. Я стоял под струёй и мысленно снова проходил сцену от начала до конца. Не разрушенный город беспокоил меня больше всего, не дата и даже не невозможность выйти из сна - Дмитрий. Я чувствовал его руку, его раздражение, то, как он не стал покорно играть роль персонажа в моём сне. Сознание способно создать очень убедительного человека - я это прекрасно знал - в регрессионных и трансовых состояниях люди разговаривают с образами, которые отвечают неожиданно, спорят, иногда сообщают то, чего сознательно человек будто бы не знает. Но с Дмитрием было другое ощущение: человек существует независимо от того, смотрю я на него или нет. Я долго пытался подобрать профессиональное определение и в конце отказался.

На кухне сделал кофе и открыл записи ещё раз. Время по-прежнему было там.

03:17.

Я обвёл его кружком, пока только для того, чтобы проверить в следующий раз. Если следующего раза не будет, тогда останется необычный сон, а если будет, то появится материал для наблюдения.

На тот момент я ещё не знал, что именно мне предстоит и что через несколько дней Дмитрий придёт снова.

Глава 2. Второй раз

Люди слишком часто совершают одну и ту же ошибку: им кажется, что неопределённость нужно немедленно чем-нибудь заполнить. Если человек не понимает, что произошло, он предпочитает плохое объяснение отсутствию объяснения - так спокойнее. Чаще всего они называют всё совпадением и закрывают тему, или сразу находят вмешательство Высших сил, карму, прошлые жизни, сущностей, родовую программу, инопланетян или что-нибудь ещё, что соответствует их картине мира. Я много лет учил клиентов выдерживать промежуток между событием и его трактовкой и сам не собирался нарушать собственное правило только потому, что теперь событие касалось меня лично.

Я встал около восьми. Спал в общей сложности часа четыре, но чувствовал себя нормально: голова не болела, давления в висках не было, усталости после глубокого ченнелингового состояния тоже. Часто после длительной энергетической работы тело чувствует сильную усталость и самое первое, как правило - очень хочется есть, потому что тратится колоссальное количество энергии, пить, у некоторых практиков бывает головная боль, хотя я всегда считал, что чаще она связана с банальным перенапряжением, быстрым выходом из практики и неправильным дыханием и тем, что человек не удерживал достаточную концентрацию. Сейчас ничего подобного не было.

Я сделал кофе (да, иногда его пью, особенно после тяжелой практики или бессонной ночи), сел за кухонный стол и снова открыл записи. Прочитал всё медленно, стараясь не восстанавливать сон заново, а работать только с тем, что записал непосредственно после пробуждения. Это тоже один из профессиональных навыков: память нельзя бесконечно допрашивать, как свидетеля, нужно работать по горячим следам, так сказать. Чем чаще мы вспоминаем событие, тем больше вспоминаем не само событие, а предыдущую версию воспоминания и через несколько повторов человек способен быть абсолютно уверен в детали, которой изначально вообще не было.

До работы оставалось пара часов, особой подготовки она не требовала, поэтому я задумался над дальнейшими шагами. Я мог бы начать искать Дмитрия в моем настоящем сразу, но не стал. Во-первых, данных было недостаточно: имя распространённое, возраст приблизительный, профессия широкая. Есть лицо, но это только в моих воспоминаниях, по факту: ни фото, ни подробностей. Во-вторых, если он действительно существовал в моём настоящем, сама попытка поиска уже была действием по отношению к возможному будущему, т.е. потенциальное вмешательство. Я пока не представлял масштаба системы, в которую случайно попал, и не собирался дёргать за первый попавшийся провод только потому, что мне интересно, к чему он подключён. Физическое образование в этом отношении сильно дисциплинирует: если не понимаешь, как всё работает, сначала наблюдай.

К десяти я приехал в кабинет. День был расписан почти полностью. На одиннадцать стояла Марина, женщина чуть старше пятидесяти, записавшаяся на прошлой неделе с формулировкой «очень срочно, вопрос по сыну». Такие формулировки могли означать что угодно: от реальной беды до того, что взрослый сын второй день не отвечает матери в мессенджере. Я никогда не пытался заранее смотреть клиента без его присутствия и запроса. Не потому, что считал это технически невозможным, как раз наоборот, иногда настроиться на человека можно и по фотографии, имени, голосу, даже по эмоциональному следу другого человека, который с ним связан. Но возможность не отменяет этику: чужая внутренняя территория остаётся чужой независимо от того, есть ли у тебя способ заглянуть через забор. Короче, без разрешения нельзя!

Марина пришла раньше на десять минут. Я ещё дописывал сообщение постоянному клиенту, у которого провожу индивидуальное бизнес-сопровождение, когда она вошла и, не снимая пальто, сразу сказала:

— Скажите мне только одно: с ним всё будет хорошо?

Я отложил телефон.

— Добрый день.

Она будто только сейчас поняла, что не поздоровалась.

— Добрый. Простите, я просто очень волнуюсь.

— Вижу. Садитесь.

Она села, но сумку оставила на коленях и обеими руками держала ручки – ее напряжение шло не только по телу, энергетически она была буквально собрана в одну точку - сын, хотя я ещё ничего о нём не знал. Иногда это ощущается почти физически: человек сидит перед тобой, но всё его внимание, страх, намерение находится где-то в другом месте, то есть его фокус внимания не тут, а где-то далеко. В подобных случаях мне не требовалось никакой сверхчувствительности, чтобы понять главное — передо мной человек, утративший границу между любовью и контролем. Ох, сколько детей таких любящих матерей ко мне приходили…

— Что случилось? — спросил я.

Она быстро ответила:

— Вы сначала сами посмотрите.

Я улыбнулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы пришли не проверять мои способности.

— Но если я всё расскажу, откуда я узнаю, что вы действительно что-то видите?

— А зачем вам это узнавать?

Она растерялась.

— Ну как... Я же к экстрасенсу пришла.

— Вы пришли решить проблему или провести аттестацию экстрасенса?

Марина несколько секунд смотрела на меня, потом губы у неё дрогнули.

— Наверное, решить.

— Тогда начнём с того, что знаете вы. А потом посмотрим, что добавлю я.

— Но это же может повлиять на вас.

— Конечно.

— Вот.

— На меня влияет всё. Ваш голос, поза, слова, даже то, как вы держите сумку – я же не становлюсь слепым или глухим только потому, что работаю с энергетикой. Поэтому я не играю в спектакль «ничего мне не говорите, я сейчас всё угадаю». Если вам нужен такой специалист, вы ошиблись кабинетом.

Она наконец поставила сумку рядом.

— Три недели не разговариваем с сыном, - сказала она, уняв своё внутреннее раздражение.

— Сколько ему?

— Тридцать один.

— Что произошло?

— Поссорились.

— Из-за чего?

Она отвела глаза.

— Там сложная ситуация.

Я молчал - опыт давно научил меня не помогать человеку рассказывать историю, пусть и долго. В начале своей практики я совершал эти ошибки. Через несколько секунд Марина продолжила сама:

— У него женщина и она на него плохо влияет.

— Что значит «плохо»?

— Он изменился, стал отдаляться от семьи, реже приезжает. Раньше каждое воскресенье был у нас, а сейчас может две недели не появляться.

— Это всё?

— Нет. Он начал говорить, что мы вмешиваемся.

— А вы реально вмешиваетесь?

Она сразу напряглась.

— Мы родители.

— Это не ответ.

— Я просто пыталась ему объяснить, что эта женщина ему не подходит.

— С вашей точки зрения, не с его. Ладно, а сын как реагировал?

Марина замолчала. А я уже понимал ответ и без ее слов.

— Просил не лезть, — сказала она наконец. — Но если я вижу, что он делает ошибку, я должна молчать?

В другой день этот вопрос остался бы просто частью консультации, но сегодня он попал точно в то место, которое я с утра старательно не трогал, оставив на потом. Если видишь чужую ошибку, обязан ли вмешиваться? Если знаешь возможное будущее — становится ли это знание обязательным, чтобы изменить чужое решение? Я заметил собственную реакцию и мысленно отодвинул её на потом.

— А откуда вы знаете, что это ошибка? — спросил я.

— Я мать.

— Это объясняет, почему вам не всё равно, но не объясняет, почему вы знаете будущее их отношений.

Она посмотрела на меня почти обиженно.

— Но вы-то можете посмотреть?

— Конечно, я могу посмотреть варианты.

— Тогда посмотрите, я же за этим пришла. Я разрешаю вам это сделать, я знаю, что нужно разрешение, правильно?

— Да, всё верно.

Несколько секунд мне понадобилось на то, чтобы настроиться именно на её запрос. Я не люблю театральные ритуалы, если они не нужны: не закрываю обязательно глаза, не меняю голос, не устраиваю человеку демонстрацию процесса. Иногда мне достаточно просто удерживать внимание, подключиться к нужному каналу и позволить информации самой прийти. Первым пришло ощущение очень плотного сопротивления — не со стороны сына, а внутри самой Марины: она хотела не узнать варианты будущего, она хотела получить разрешение продолжать делать то, что уже делала. Я сказал ей, чтобы она расслабилась и дышала медленно и глубоко, мне нужно было, чтобы она доверилась мне, тогда «картинки» и ответы придут быстрее и ярче. Образ сына появился быстро, но не лицом, скорее ощущением человека, который отступает назад всякий раз, когда к нему приближаются. Дальше пространство разделилось: в одном варианте он действительно расставался с женщиной, но отношения с матерью после этого не восстанавливались; в другом они оставались вместе и через некоторое время контакт с родителями становился ещё реже. Был и третий, слабее первых: Марина прекращала давление, сын сам постепенно возвращался в контакт, а отношения с женщиной шли своим путём — я не мог уверенно сказать, сохранялись они надолго или нет. Самое главное было не в этом.

— Вы хотите узнать, останется ли он с этой женщиной?

— Конечно.

— А ваш настоящий вопрос звучит иначе.

— Как?

— Вернётся ли он к вам.

Она побледнела совсем немного, но я увидел.

— Это одно и то же.

— Нет. Потому что он может расстаться с ней и всё равно не вернуться к прежним отношениям с вами.

— Вы это видите?

— Как один из вариантов.

— Значит, они расстанутся?

— Вы опять забрали из ответа только то, что вам удобно. Я вижу несколько вариантов: в одном они действительно расходятся, в другом остаются вместе. Но в обоих вариантах ваши отношения с сыном ухудшаются, если вы продолжаете вмешиваться так же.

— А какой вариант ближе к истине? Ну, сильнее, ярче?

Я ещё раз быстро проверил ощущение.

— Тот, где он остаётся с ней и сильнее отдаляется от вас.

— Значит, так и будет.

— Нет.

— Но вы только что сказали…

— Я сказал, что на данный момент эта вероятность сильнее.

— Какая разница?

Я откинулся на спинку кресла.

— Большая, давайте объясню. Представьте реку: есть основное русло, куда сейчас идёт больше воды, и есть ответвления. Если ничего не менять, вода скорее всего пойдёт туда, где русло глубже, но вы можете поставить преграду, изменить направление, может случиться ливень, может измениться уровень воды. Вероятность событий – это варианты течения реки, их видно все, но куда течь воде - выбор за вами.

— Тогда какой смысл смотреть? – удивилась Марина.

— Чтобы понимать, к чему ведут сегодняшние действия.

— И что мне делать?

— А вы сами как считаете?

— Перестать пытаться управлять его отношениями, видимо, - начала осознавать неприятную для нее действительность. — Но тогда получается, что я должна просто смотреть, как мой сын совершает ошибку?

— Вы снова называете ошибкой то, последствия чего ещё не знаете.

— А если потом окажется, что я была права?

— Тогда будете правы.

Я видел, что разговор ей неприятен, но именно за этим она в итоге и пришла. Не за предсказанием, а за подтверждением своих мыслей и действий (как, собственно, и большинство клиентов). А еще она пришла за разрешением сохранить контроль, переложив ответственность этого решения на меня. За разрешением, которого она не получила.

— Я люблю его, — сказала она тише.

— Не сомневаюсь. Марина, любовь и контроль прекрасно могут существовать одновременно, одно не отменяет другое.

— Я просто хочу уберечь.

— Даже если вы выберете за него идеальную женщину, — продолжил я, — сможете гарантировать, что он никогда не будет страдать?

— Нет.

— Сможете выбрать ему работу, друзей, или в конце концов возраст, в котором он потеряет родителей?

— Нет.

— Тогда, может быть, задача не в том, чтобы убрать из его жизни все плохие варианты.

Марина смотрела на меня.

— А в чём?

— Оставаться человеком, к которому он сможет прийти, если один из них случится.

Она опустила глаза. Мы работали ещё почти час: уже не с вероятностями, а с ней самой - с тревогой, чувством вины, страхом утраты влияния, с тем моментом, когда взрослый ребёнок перестаёт быть частью родительской системы и начинает строить свою.

Когда Марина ушла, я остался в кресле и неожиданно снова вспомнил Дмитрия. Я видел будущее человека – в этом нет ничего необычного для меня – но в необычной для меня подаче. Если допустить, что это действительно был Дмитрий настоящий, который существует, через год, то у меня уже появилась информация о его жизни, которой сам Дмитрий сейчас не имел. Причём потенциально очень серьёзная. Я ещё не знал, где здесь проблема, но знал другое: знание будущего не всегда полезно, но очень соблазнительно для реализации. Марина была уверена, что вмешивается в жизнь сына, потому что любит и я мог однажды оказаться в той же позиции относительно судьбы Дмитрия. Или не только его, пока не понятно. Эта мысль мне не понравилась. Я открыл в телефоне ночные записи и дописал одну строку: «Если контакт повторится, сначала наблюдение. Не вмешиваться до полного понимания ситуации».

После Марины было ещё два клиента, и день постепенно вернулся в обычный ритм. Мужчина, который подозревал делового партнёра в обмане; молодая женщина перед свадьбой, у которой запрос «мой ли это человек» за двадцать минут превратился в гораздо более глубокий вопрос «почему я боюсь принять решение сама»; а вечером была короткая дистанционная сессия. Ни в одной работе я не почувствовал ничего, что связывалось бы с ночным состоянием - это меня устраивало. Если бы после необычного сна я начал видеть знаки во всех людях подряд, пришлось бы проверять уже не будущее, а собственную способность сохранять концентрацию внимания.

Следующие три дня прошли спокойно: продолжал работать, ездил по делам, один раз был на лекции, которую обещал провести ещё месяц назад, дважды тренировался (телом нужно заниматься постоянно, иначе в энергопрактиках ничего качественно не получится), встречался с друзьями. Сон тоже был обычным. На четвёртый день я поймал себя на том, что вечером начинаю ждать - не сознательно, просто около полуночи несколько раз посмотрел на часы, потом убрал телефон подальше. Ожидание - тоже настройка, ведь чем сильнее человек хочет получить определённый опыт, тем легче сознание производит нечто, похожее на него. Я не собирался собственноручно создавать себе продолжение истории, но хотел уйти от подвешенной неопределенности. Перед сном сделал то, что обычно делаю после сложных сессий: коротко выровнял состояние, вернул внимание в тело, проверил эмоциональный фон. Даже если пока всё происходящее с Дмитрием было обычным сном, я предпочитал вести себя так, будто по ту сторону действительно находится другой человек – буду придерживаться этого варианта.

Я заснул быстро.

Сначала был совершенно обычный сон: я находился на вокзале, кто-то объявлял задержку поезда, женщина у кассы громко спорила из-за билета. Я даже не осознавал себя. Потом вокзал исчез не постепенно, а словно кто-то выключил один канал и включил другой.

Первым пришёл холод. Я открыл глаза, передо мной был широкий двор между многоэтажными домами - на асфальте лежал грязный снег, хотя в моём настоящем его не было. Было темно, несколько окон светились, большинство оставались чёрными. Где-то сбоку работал мощный фонарь или прожектор - часть двора была освещена слишком ярко. Я посмотрел

на руки: та же куртка. В этот момент осознанность включилась полностью, я понял, что контакт повторился. Только потом я повернулся - Дмитрий стоял метрах в десяти и увидел меня одновременно со мной.

— Вы опять здесь.

Вот тогда я почувствовал настоящий внутренний сдвиг, мозг прекрасно продолжает сюжеты. Но для проверки важно было другое: помнит ли Дмитрий то, что происходило раньше, и насколько его память совпадает с моей записью.

Я ничего не ответил сразу. Он подошёл ближе: на его лице не было ни грязи, ни крови, куртка другая — тёмно-серая. В руке пластиковая бутылка с водой.

— Вы меня помните? — спросил я.

Он нахмурился.

— Конечно, вы сказали, что у вас другой год. А потом вы исчезли - я отвернулся буквально на несколько секунд - кто-то позвал - повернулся обратно, а вас нет.

— Вы меня искали?

— Немного.

— Почему немного?

— Потому что вокруг были дела поважнее поиска очень странного мужчины, который не знает, какой сейчас год.

Я впервые улыбнулся.

— Когда это было? — спросил я.

Он назвал день, у меня прошло четыре дня. У него — два. Затем Дмитрий посмотрел на меня несколько секунд и неожиданно спросил:

— Вы настоящий?

Вопрос прозвучал без сарказма.

— Хотел спросить то же самое, - сказал я.

— Нет, серьёзно.

— Я тоже серьёзно.

— Вы существуете где-то вне этого? – видно было, что Дмитрий подбирал слова.

— Да.

— Где?

— У себя дома. Если я правильно понимаю, моё тело спит.

Он посмотрел на меня, потом вокруг.

— Тогда вы мне снитесь.

— Почему именно так?

— Потому что я тоже сплю.

Теперь настала моя очередь молчать.

— Где ваше тело? — спросил я.

Дмитрий показал куда-то в сторону дома.

— В квартире.

— Вы уснули там?

— Да.

— И сейчас одновременно стоите здесь?

— Видимо.

— До меня что-нибудь снилось?

Он задумался.

— Не помню.

— Осознанный сон? Понимаете, что спите?

— Сейчас — да.

— С самого начала?

— Нет. Когда вас увидел. Есть ощущение, что вы приходите, когда я сплю. А без вас я живу.

Я медленно кивнул.

— Интересно.

— Очень содержательно.

— Вы хотели профессиональную лекцию?

— Я хочу понять, что происходит.

— Я тоже.

— Но вы же этим занимаетесь.

— Чем именно?

— Экстрасенсорикой.

Я посмотрел на него.

— Я вам этого не говорил.

— Говорили что-то про изменённые состояния.

— Это не одно и то же.

— А вы экстрасенс?

Я некоторое время молчал. Врать смысла не было.

— Да.

Он поставил бутылку на ближайшую бетонную тумбу и очень медленно кивнул.

— Вот оно что, теперь понятно.

— Что именно стало понятнее?

— Всё.

— Мне нравится ваша уверенность.

— А что мне ещё думать? Я сплю, появляется человек, который говорит, что находится за год до меня, потом исчезает. Теперь выясняется, что он экстрасенс.

— Из этого ничего не следует.

— Хорошо. Тогда ваша версия?

— Пока их несколько.

— Расскажите.

Я прислушался к пространству и своим ощущениям: двор был слишком открытым, свет действительно привлекал внимание. Дмитрий, будто прочитав направление моей мысли, сказал:

— Пойдёмте. Здесь лучше не стоять.

Мы вошли в подъезд и на этот раз пошли вверх. Я шёл за ним и чувствовал лестницу под ногами, металлические перила, запах сырости, холод от разбитого окна между этажами. На четвёртом Дмитрий остановился и поднял руку.

— Тихо.

Я замолчал. Он несколько секунд слушал, затем продолжил подниматься. На пятом этаже открыл металлическую дверь. В квартире было тепло, насколько вообще может быть тепло в помещении, где явно экономят электричество. В прихожей стояли большие бутылки с водой, две коробки, несколько пар обуви. Окна в комнате частично закрыты плотной тканью.

Я снял перчатки, хотя не помнил, когда успел их надеть.

— Для меня физиологически это тоже сон, но по структуре не похож на обычный.

— Что это значит нормальным языком?

— Я не могу управлять пространством, не могу выйти из состояния по желанию. У вас сохраняется собственная память между эпизодами. Наше время идёт с разной скоростью. И вы ведёте себя так, как будто существуете независимо от моего внимания – во сне обычно не так.

Дмитрий поставил воду на стол.

— Звучит почти как комплимент.

— Не совсем.

Он проследил мой взгляд, который упал на бутылку воды.

— Хотите воды?

— Да.

Он налил в стакан: вода была прохладной, совершенно безвкусной. Я сделал несколько глотков, задержал внимание на температуре, ощущении плотности в руке.

— И что проверяете теперь? — спросил Дмитрий.

— Сенсорную плотность.

— Можно ещё раз нормальным языком?

— Насколько всё здесь похоже на физическую реальность.

— И?

— Очень.

— А должно быть иначе?

— В обычном сне детали нестабильны. Попробуйте несколько раз посмотреть на надпись или часы — они могут измениться. Пространство часто перестраивается, когда отводишь внимание.

— Хорошо. Допустим, это не обычный сон. Тогда что?

Я поставил стакан.

— Тогда сначала нужно выяснить, есть ли между нашими реальностями проверяемая информационная связь.

— Что значит «между реальностями»?

— Пока просто удобная формулировка. Не цепляйтесь.

— Я инженер. Я цепляюсь к формулировкам.

— Отлично. Будем друг друга раздражать.

На секунду он улыбнулся.

— Уже получается.

Я сел напротив.

— Вы сказали, что у вас идёт война.

Улыбка исчезла.

— Да.

— Между кем?

Он назвал стороны. Политическая напряжённость между ними существовала и в моём времени, но до войны было далеко — по крайней мере по официальной картине мира. Я сознательно не стал сразу выстраивать причинные цепочки. Будущее геополитики — одна из тех областей, где человек может найти подтверждение почти любой тревоге, если достаточно долго читать новости.

— Когда началось? — спросил я.

— За несколько недель уже было понятно, что всё плохо. Переброски, резкие заявления, учения, взаимные обвинения. Но всё это уже происходило раньше, люди привыкли, даже многие отписывались в сети, что ничего не будет. Потом ночью легла часть связи и одновременно начались перебои с электричеством в нескольких районах. Потом первые удары.

— По чему?

— Инфраструктура. Несколько военных объектов. Связь. Энергетика.

— Сколько прошло с начала?

Он назвал срок.

— А вы что делали?

— Работал.

— Война началась, а вы пошли на работу?

— Именно поэтому и пошёл.

— Связь, точно.

— Есть больницы, экстренные службы, городские сети, ведомственные линии, резерв. Есть то, что в обычной жизни вообще не должно было соединяться, а сейчас приходится соединять, чтобы хоть что-то работало.

— Вы важный специалист? Я просто пытаюсь понять, почему вижу именно вас.

Он посмотрел на меня.

— Может, потому что я сплю.

— Миллионы людей сейчас спят.

Я позволил вниманию немного расшириться - поле ситуации ощущалось необычно. Будто за Дмитрием находилось не одно направление, а несколько слоёв, которые почти совпадают и расходятся только в отдельных точках. Обычно при работе с вероятностями я мог чувствовать похожее: как если бы перед человеком лежало несколько путей, и один подсвечивался сильнее остальных. Здесь ощущение было намного масштабнее: не в рамках личной развилки Дмитрия, нет. Это было целая система.

Дмитрий заметил, что я замолчал.

— Что-то произошло? Всё в порядке?

— Я кое-что чувствую, но пока не хочу это интерпретировать.

— Что именно?

— Несколько вариантов.

Он нахмурился.

— Каких?

— Вашего будущего.

— Я уже в своём будущем для вас.

— Вот именно, для меня.

— А для меня это настоящее.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга и вдруг понял, что это принципиально важно для него. Я мог сколько угодно называть его мир вероятностью, но для Дмитрия он был единственной жизнью, которую он проживает сейчас. Если когда-нибудь я действительно смогу что-то изменить в своём времени, то для меня это будет сменой ветки. Для него — возможно, исчезновением целого мира.

— Что за варианты? — повторил он.

— Пока не знаю.

— Вы только что сказали, что чувствуете.

— Чувствовать и понимать — разные вещи.

— Очень удобная профессия.

— Невероятно.

Он усмехнулся.

— Ладно. Вы хотите проверить связь. Как?

— Мне нужна информация, которой я не знаю сейчас, но смогу проверить после пробуждения.

— Например?

— Конкретное событие, произошедшее у вас после моей даты.

— Хотите узнать будущее.

— Нет.

— Конечно хотите.

— Я хочу проверить механизм. Если бы я хотел узнать будущее, я попросил бы вас назвать курс валюты, результаты соревнований и всё, на чём можно заработать.

— А вы не хотите?

— Нет.

— Не верю.

— Хотеть можно. Делать нельзя.

— Почему?

— Потому что в момент, когда используешь такую информацию для личной выгоды, ты перестаёшь исследовать систему и становишься участником с прямым интересом. И очень быстро перестаёшь видеть то, что есть, и начинаешь видеть то, что хочешь.

— Психология?

— В том числе.

— А эзотерическая версия?

Я посмотрел на него.

— Любое воздействие формирует ответное воздействие, как в том самом третьем законе Ньютона. Можете назвать это кармой, обратной связью, колесом Сансары, последствиями вмешательства — название не так важно.

— Вы физик или психолог? Просто вы говорите как человек, который пытается всё переводить сразу на два языка.

Я улыбнулся.

— Два в одном.

Он несколько секунд просто смотрел.

— А потом вы стали экстрасенсом.

— Не потом, а параллельно. А может и всегда им был, уже и не помню.

— Очень хочется спросить, как вы к этому пришли.

— Как-нибудь, обязательно расскажу.

На этот раз он действительно рассмеялся - коротко, устало, но по-настоящему.

— Хорошо. Допустим. Так что же происходит сейчас с нами?

— Ну самое логичное на данный момент объяснение - ветка вероятности.

Он повторил медленно:

— Ветка вероятности. Я так понимаю, что она не одна, а просто одна из? А сколько их всего?

— Теоретически — сколько угодно. Практически для человека обычно значимы несколько наиболее сильных.

— Значит, я могу сейчас жить в одном варианте, а вы после пробуждения — в другом?

— Именно.

— Если событие у вас уже произошло, а у меня ещё нет, то при отсутствии вмешательства оно должно находиться в достаточно сильной ветке, чтобы проявиться и у меня.

— Вероятно, не должно. То есть может и не случиться.

— Вы допускаете, что можете ошибаться.

— Все могут ошибаться, но я говорил о другом. Вероятностное событие – лишь событие, понимаете Дмитрий? Это, ну с чем сравнить… Это когда вы в понедельник планируете как обычно идти на работу: всё по плану, ничего не меняется, но с утра вдруг не завелась машина или вы проспали, или, не знаю, ремонт дороги. Вот эти все события – ветки вероятности от главного события – поездки на работу. Они все возможны и все невозможны одновременно. Эзотерический кот Шредингера, если вы меня понимаете.

— Понимаю, я изучал этот эксперимент. Но знаете, экстрасенсы обычно так не говорят. Они же суперуверены в своей правоте всегда, разве нет?

— Вы много знаете экстрасенсов?

— Теперь одного.

— Тогда статистика слабая, - усмехнулся я и Дмитрий снова усмехнулся в ответ.

Мы начали понимать друг друга и, как мне кажется, уровень доверия возрос. Потом он задумался и решил дать информацию из его прошлого для проверки.

— Хорошо. Есть событие, умрёт человек.

Он назвал фамилию известного человека. Я знал его, человек был публичный, постоянно появлялся в новостях. Дмитрий назвал дату - она была примерно через неделю от моего настоящего.

— Причина?

— Сердце, кажется, острая сердечная недостаточность. Это много обсуждали. И что вы сделаете с этими данными?

— Просто ждать.

— Пока человек умрёт?

— А если ваше будущее — одна из вероятностей и моё вмешательство приведёт к другому событию?

— Он же останется жив.

— Может быть, но это вмешательство. Да и как вы себе это представляете? Я напишу или позвоню этому человеку и скажу, что мне во сне человек из будущего сказал, что вы умрете? Ну бред же, меня пошлют, даже если погуглят кто я. Дмитрий, в моей профессии моя популярность растет за счет отзывов и сарафанного радио, если человек не верит в сверхъестественное, то и не отреагирует на мои слова.

Дмитрий молчал, потом сказал:

— Я бы предупредил.

— У меня был в практике случай, когда мне пришла информация для девушки о ее парне: он абьюзил ее, а информация была о том, что она забеременеет от него и про аборт из-за испуга. Короче, я сказал, потому что уж очень сильный был поток информации. Прав я тогда был? Не знаю. Сожалею? Нет!

— Тогда зачем столько слов?

— Чтобы понимать, где правда и что делать дальше. В данной ситуации информацию я получил не с потока, а с вероятной ветки будущего через Дмитрия, который живет на год спереди меня. Поэтому вмешиваться в события, которые уже прошли, не буду.

В квартире на несколько секунд мигнул свет, Дмитрий автоматически посмотрел в сторону коридора. Он встал и подошёл к окну. Я смотрел на него и снова чувствовал странную многослойность пространства вокруг него самого. Несколько вариантов находились так близко, что почти накладывались друг на друга. В одном он стоял у окна, в другом его там не было, в третьем картинка будто обрывалась раньше, чем я успевал её увидеть. Я не пытался проникнуть глубже, да и контакт уже начинал утомлять - не физически, скорее концентрационно.

— Дмитрий.

— Что?

— Если мы встретимся снова, я хочу попробовать посмотреть варианты осознанно.

Он обернулся.

— Какие варианты?

— Событий вокруг вас.

— Вы сейчас разве не это делаете?

— Нет.

— А что делаете?

— Наблюдаю несколько линий.

— И они разные?

— Очень.

— Хоть в одной из них войны нет?

Вопрос прозвучал настолько быстро, что я понял: он уже думал об этом. Я снова позволил вниманию расшириться, не полноценный просмотр, а только вопрос в пространство.

Войны нет? На секунду пришёл образ того же города — светлого, обычного, с работающим транспортом. Потом другая картинка: разрушения меньше, но тревога осталась. Ещё одна — город почти такой же, как сейчас.

— Есть вариант, где я не вижу этих разрушений, — сказал я осторожно.

Дмитрий замер.

— Значит, можно изменить.

— Не спешите.

— Вы только что сказали.

— Я сказал, что вижу вариант без этих разрушений. Я не знаю, достижим ли он из моего текущего настоящего.

— В чём разница?

— В вероятности перехода.

— Объясните.

Я взял стакан с водой и поставил между нами.

— Представьте, что это событие через год.

Поставил рядом ложку.

— Это моё настоящее.

Провёл пальцем по столу от ложки к стакану.

— Если между сегодняшним днём и событием лежит сто независимых решений, изменение одного может почти ничего не дать. Если есть один ключевой узел, после которого всё идёт каскадом, достаточно изменить его.

— И вы можете увидеть узел?

— Иногда да. Хотя, не так: чаще да, чем нет.

— А сейчас?

— Пока нет. Требуется работа в моем настоящем, настройка, концентрация. Не сейчас.

— Но сможете?

— Да, должно получиться.

— Тогда если мы ещё встретимся, смотрите.

— Только с вашим разрешением.

— Что?

— Я не работаю с человеком без согласия.

Дмитрий посмотрел вокруг квартиры.

— Ставрос, мы стоим в общем сне за год друг от друга, а вы сейчас спрашиваете разрешение посмотреть моё будущее?

— Именно.

— Это звучит абсурдно.

— Этика должна оставаться, даже если ситуация странная.

Он помолчал.

— Хорошо.

— Это согласие?

— Да.

— Осознанное?

— Насколько здесь вообще что-то может быть осознанным.

— Принимается.

Он покачал головой.

— Вы действительно странный человек.

— Вы это уже говорили.

Где-то далеко раздался низкий гул - Дмитрий прислушался, затем посмотрел на часы на стене.

— Мне скоро надо идти. Ставрос, если вы настоящий и действительно живёте почти год назад... Просто сделайте то, что нужно и удостоверьтесь в действительности.

— Для меня этого может быть недостаточно, Дмитрий. Потому что я не знаю, откуда получил информацию. Пока не понимаю.

Он усмехнулся.

— Вы удивительно сопротивляетесь собственной профессии.

— Наоборот. Именно поэтому я в ней столько лет.

Пространство начало меняться. Я почувствовал это раньше, чем увидел: звук стал чуть глуше, края предметов менее устойчивыми.

— Начинается, — сказал я. — Я ухожу.

Дмитрий посмотрел на меня внимательнее.

— Вы это чувствуете?

— Да.

— В прошлый раз просто исчезли.

— Для меня в тот раз тоже было резко.

Он на секунду замешкался и последнее, что услышал:

— Я бы на вашем месте не хотел доказательства.

Комната исчезла. Я открыл глаза – было темно. Несколько секунд не двигался, потом повернул голову к телефону.

03:17

На этот раз внутри произошло нечто совсем другое. Два одинаковых значения ещё не закономерность, но достаточно, чтобы всерьез заняться этим. Я включил свет и сел. Проверил дыхание, пульс, общее состояние - нормально. Потом взял тетрадь.

«Второй контакт». Зачеркнул. Написал: «Второй сон». Записал всё подробно: двор, грязный снег, квартира, Дмитрий помнит первый эпизод. У меня между встречами четыре дня, у него два, оба осознаём сон. Он считает, что я снюсь ему. Обсуждение войны и разрешение на просмотр вероятностей при следующем контакте. Публичный человек: дата смерти, предположительная причина — сердце. Повторное пробуждение в 03:17.

После этого включил диктофон и проговорил всё ещё раз. Когда закончил, было почти четыре. Я открыл календарь, до даты, которую назвал Дмитрий, оставалось восемь дней. Проверил новости по фамилии - человек был жив. Более того, за последние недели не было никаких публичных сообщений о серьёзной болезни. На свежей фотографии он выглядел вполне нормально, участвовал в мероприятии буквально накануне. Это ничего не значило с медицинской точки зрения — люди могут внезапно умереть от сердечно-сосудистых событий без публично известной болезни, — но устраняло самый простой вариант, при котором мой мозг мог просто достроить очевидный прогноз из уже известной информации.

Я открыл поисковик и почти написал имя Дмитрия. Остановился. Он не дал фамилию и во сне, если считать происходящее контактом, фактически не дал согласия на поиск. Я закрыл ноутбук.

Кофе в четыре утра был плохой идеей, но всё равно сделал. Сидел на кухне и думал уже не о том, существует ли Дмитрий - после второго эпизода этот вопрос стал менее интересным. Мой мозг вполне мог создать последовательный образ человека и продолжить его историю, но гораздо сильнее меня занимало другое: если через восемь дней событие подтвердится, что именно это докажет?

Будущее? Существование параллельных веток? Самый яркий за все годы практики экстрасенсорный контакт? Или то, что во сне я получил информацию, которую, насколько могу установить, не знал сознательно и которая впоследствии совпала с реальностью. Этого было уже достаточно, чтобы идти дальше и пока еще недостаточно, чтобы делать выводы.

Следующие семь дней я не ждал Дмитрия, ложился примерно в одно время, не перечитывал перед сном записи и не пытался настроиться. Один раз проснулся около трёх, посмотрел на часы - 02:54 - и спокойно заснул дальше. Это меня даже обрадовало. Если бы мозг уже начал будить меня вокруг нужного времени только потому, что я его запомнил, наблюдение быстро потеряло бы ценность.

Публичного человека я проверял один раз в день: вечером открывал новости, убеждался, что жив, и ставил в тетради короткую отметку. На шестой я поймал себя на неприятной мысли: чем ближе подходила названная дата, тем сильнее часть меня надеялась, что Дмитрий ошибётся. Не потому, что я хотел разрушить гипотезу, просто человеческая жизнь важнее красивого эксперимента, даже если человек тебе незнаком.

За день до события я посмотрел на календарь и впервые подумал, что, возможно, мы просто ошиблись в дате. Или я неправильно запомнил, или Дмитрий ошибся, или вообще никакого Дмитрия нет за пределами моего сна.

И мне стало легче. На восьмой день я почти не думал об этом. Работал до вечера, потом встретился со знакомым, домой приехал после девяти. Поставил чайник, переоделся, открыл телефон проверить сообщения. Новостное приложение обновилось автоматически, первую строку я прочитал и не понял. Потом прочитал снова: известный человек, фамилию которого восемь дней назад назвал Дмитрий, умер утром.

Я сел. Не потому, что ноги подкосились, мне просто нужно было остановить всё остальное и перевести фокус внимания только на это событие, хотя мысленно понимал, что уже всё понятно. Через несколько часов появилось предварительное сообщение: острая сердечная недостаточность. Я положил телефон на стол, несколько минут просто сидел. Первым делом я достал тетрадь и нашёл запись восьмидневной давности: фамилия, дата, причина смерти.

Я положил рядом телефон. Совпало. Не приблизительно, а точно. Первым ощущением не было восхищение, я вспомнил Дмитрия: «Я бы на вашем месте не хотел доказательства». Тогда это прозвучало как просто реплика человека из сна, теперь иначе. Я сидел перед двумя записями — своей, сделанной восемь дней назад, и новостью — и впервые за всё время сознательно позволил себе сформулировать гипотезу полностью. Возможно, Дмитрий действительно существует почти на год впереди меня и вероятность этой версии резко выросла.

А вместе с ней выросла вероятность войны.

Если человек из моего сна действительно помнит события, которые для меня ещё не произошли, то следующий вопрос уже нельзя было свести к природе сна. Появлялась проблема намного серьёзнее - я мог получать информацию из будущего. И если будущее было хотя бы частично изменяемым, то любое полученное знание переставало быть нейтральным в ту секунду, когда я начинал действовать.

Я встал, прошёлся по кухне, вернулся к столу. До этого момента Дмитрий был интересным феноменом, но теперь он становился ответственностью и именно поэтому я понял, что отступать не собираюсь. Я открыл тетрадь на новой странице и написал сверху: «Ветки вероятности».

Ниже: «Задача № 1. Понять, является ли будущее Дмитрия фиксированным событием или одной из возможных линий». «Задача № 2. Найти Дмитрия в настоящем. Но сначала выяснить, почему контакт возник именно с ним».

Я закрыл тетрадь. На часах было далеко за полночь, 03:17 ещё не наступило. И впервые я поймал себя на мысли, что не хочу сегодня видеть это время, потому что теперь оно уже перестало быть просто цифрами на экране и стало частью системы, правила которой я пока не понимал.

Глава 3. Три ветки

На следующее утро я всё-таки начал искать Дмитрия. Решение пришло не ночью и не под воздействием новости о смерти человека, чью дату он назвал. Я специально отложил поиск до утра, выспался, принял душ, позавтракал, перечитал записи и только после этого сел за компьютер - мне было важно понимать, что действую не из эмоционального возбуждения. Поиск оказался одновременно проще и сложнее, чем я рассчитывал. Имя Дмитрий, приблизительный возраст около сорока, инженер связи, город и поиск быстро увеличился до сотни кандидатов. Специалисты телекоммуникационных компаний, системные инженеры, руководители отделов, преподаватели технических вузов. Несколько фотографий заставили меня остановиться, но ненадолго, того самого не было – я просто сравнивал лица с памятью, благо она – память – меня никогда пока не подводила. Через час закрыл ноутбук, пока безрезультатно, и поехал на работу.

Первой сессии в этот день не было, утро я специально оставил свободным для подготовки к вечернему групповому занятию, но около полудня позвонила постоянная клиентка, точнее, сестра друга детства, который трагически погиб несколько лет назад. И вот его сестра – Соня – долгое время находилась у меня на попечении, пока не выросла. Выросла, а проблем меньше не стало, поэтому она приходила ко мне с завидной регулярностью и, конечно же, бесплатно. Она считала, что это я ей обязан тем, что она почтила меня своим присутствием и платить за это точно ниже ее достоинства. Соня всегда говорила быстро, будто боялась, что если остановится, то что-то забудет или, как сама говорила, потеряет мысль.

— У меня вопрос. Можно срочно?

— Уже спрашиваешь. Насколько срочно?

— Сегодня должна ответить.

— Рассказывай.

— Мне предложили перейти в другую компанию, зарплата выше почти в два раза. Но я чувствую, что не надо.

— Тогда зачем звонишь?

— Потому что логически надо переходить и теперь мне нужен ответ через высший план. Ставрос, ты же моя палочка-выручалочка, надо срочно-о-о-о.

Я улыбнулся – этот ее внутренний конфликт я знал прекрасно. Люди часто приходят ко мне, когда возникает дисбаланс, внутреннее ощущение и рациональные аргументы тянут их в разные стороны, а потом хотят, чтобы я выбрал за них. А Соня умела профессионально перекладывать ответственность выбора на других.

— Соня, ты снова хочешь, чтобы я сказал, чему верить: логике или ощущению?

— Да! Конечно да! Ты же никогда не ошибаешься.

— Не скажу.

— Ставрос, я же тебя прекрасно знаю. Ты же сможешь. Ну хватит, всё равно согласишься!

— Нет, в том ключе нет. Я серьёзно. Приезжай. Посмотрим не «да или нет», а варианты. Поверхностно не работаю, ты же знаешь.

— Ура! Лечу! Обнимаю!!

Она была у меня через сорок минут. Я попросил рассказать только необходимое: новая компания, условия, причины сомнений. Соня всегда говорила много и удержать ее в нужной канве повествования было иногда очень сложно. А если это были голосовые сообщения, которые она любила посылать, даже не спросив, удобно ли мне, то они всегда были из разряда «коротенько, минут на сорок».

При всём при этом, она была сильным специалистом и давно выросла из своей нынешней позиции, и с точки зрения карьеры переход выглядел более чем разумно.

— Хорошо, — сказал я. — Соня, ты знаешь что мне нужно - сформулируй четкий запрос.

— Стоит ли соглашаться?

— Нет, ну такой запрос я от тебя не ожидал. Ладно бы в первый раз…

— Почему?

— Потому что ты уже вложила ответ в вопрос. Сформулируй без оценки и вдумчиво. Ты же знаешь, чем четче и конкретнее запрос, тем глубже и точнее ответ.

Она задумалась.

— Будет ли мне во благо, если я соглашусь?

— Уже лучше.

Я попросил разрешение на просмотр и закрыл глаза. С Соней я работал давно, её энергетический рисунок знал хорошо, поэтому настройка заняла меньше минуты. Первым появился вариант, который я ожидал: новая работа, быстрый рост, много денег, потом сильная усталость и через несколько месяцев конфликт с руководством. Вторая линия была слабее: она оставалась на нынешнем месте, через несколько месяцев компания запускала новый проект, Соня получала повышение. Третья почти не ощущалась, но именно она заставила меня задержаться: она соглашалась на переход, однако не на предложенные условия. Переговаривалась, меняла функционал, отказывалась от части обязанностей, получала меньший финансовый рост, но совершенно другое качество работы.

Я открыл глаза.

— Три варианта.

— Какие? Давай все! А какой правильный? – затараторила она.

— Да его нет, но есть интересный. В первом случае в первые месяцы работы тебе очень нравится. Потом начинается конфликт, потому что берёшь слишком много.

— А второй?

— Остаёшься здесь и через несколько месяцев получаешь новую роль.

— Вот. Я знала.

— Что знала?

— Что не надо уходить.

— Подожди. Ты снова выбираешь тот вариант, который подтверждает твое первоначальное желание.

— Но ты же увидели повышение.

— Увидел один из вариантов.

— Хорошо. А третий?

— Ты принимаешь предложение, но меняешь условия до того, как соглашаешься.

Она нахмурилась.

— Так не получится, они уже озвучили условия.

— Это не означает, что их нельзя обсуждать.

— И что в третьем?

— Спокойнее, комфортнее и ты там живешь не на надрыве. Денег меньше, чем в первом варианте, но ты не выгораешь.

Соня надолго замолчала, встала, выпила воды. Села.

— Какой из трёх лучший?

— Не знаю, я же не ты! И хватит мне задавать этот вопрос на протяжении стольких лет. Я смотрю без оценки и рассказываю что вижу. Ты же знаешь: образы, слова, картинки – это всё вижу и интерпретирую. Во всех трех вариантах есть нюансы и везде будет сложно. Выбор всегда за тобой, какое из этих «сложно» выбрать.

— Тогда какой смысл?

— Смысл в том, что пятнадцать минут назад ты считала, что существует только два решения: уйти или остаться. Теперь их минимум три и причем с разными энергиями, что очень даже неплохо.

Она посмотрела на меня.

— То есть не скажешь, куда мне идти, да? – наигранно обиделась она.

— Соня, я повторю, - глубоко вздохнул я, - ты много раз уже у меня была и все эти разы пыталась переложить ответственность за выбор на меня. Так не работает! Но я рад, что ты раз за разом это принимаешь и приходишь снова. Моя задача — показать дверь, которую ты, возможно, не заметила.

Эта фраза осталась со мной после её ухода, наверное, чтобы посмаковать ее и что-то для себя осознать. Соня позвонила вечером и сказала, что вместо ответа компании предложила свой вариант условий - ей обещали подумать. То есть, не отказали, что само по себе уже хорошо. А выбор, пожалуй, она сделала правильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.